

А. П. ЧУДИНОВ

Свердловский пединститут

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ГЛАГОЛОВ, НЕ ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К ОДНОЙ ЛСГ

Предлагается новый подход к определению термина «функциональная эквивалентность» и на этой основе анализируются нетрадиционные случаи функциональной эквивалентности глаголов.

В современной семасиологии всесторонне исследованы типы парадигматических связей в языке: синонимия, антонимия, гипонимия, полисемия, однако не меньший интерес представляют собой и парадигматические связи слов в речи, функциональный аспект парадигматики. В связи с этим различаются случаи, когда в речи сохраняются парадигматические связи, уже имеющиеся в языке, и случаи, когда подобные связи возникают у слов, не являющихся в языке синонимами или антонимами.

При исследовании функциональной эквивалентности (речевой синонимии) глаголов с различным языковым значением во внимание традиционно принимаются только слова, принадлежащие к одной ЛСГ. Так, впервые поставившая эту проблему Э. В. Кузнецова анализирует функциональную эквивалентность глаголов приобщения объекта¹, Н. А. Боровикова описывает функциональную эквивалентность глаголов уже в десяти ЛСГ²; во многих публикациях говорится о функциональной эквивалентности членов синонимического ряда³. Однако специальные наблюдения показывают, что в отношениях функциональной эквивалентности могут находиться и глаголы различных ЛСГ при условии понижения яркости категориально-лексических сем и повышения значимости ассоциативных признаков.

Как отмечает Э. В. Кузнецова, основным путем обнаружения функциональной эквивалентности является «метод подстановки одних глаголов вместо других во фразах, составляющих исходную базу исследования»⁴. Именно таким путем выделяются и случаи функциональной эквивалентности глаголов, не принадлежащих к одной ЛСГ. Сравним два словоупотребления глагола *мыть*: «Не могу же я с северным сиянием жить, как обычные люди. Думать, что пора *мыть полы*, ругаться в очереди, сплетничать про подруг» (Катерли); «Двадцать женщин были направлены в бывшее ФЗУ на уборку — *мыли*, скоблили, чистили, приводили в порядок отхожие места» (Рыбаков). В первом случае сочетание *мыть полы* вполне могло бы быть заменено обозначением иной постоянной домашней работы: *чистить картошку, стирать белье, готовить обед*, т. е. в данном случае обнаруживается функциональная эквивалентность. Возможность замены

объясняется тем, что здесь важно не столько само действие, сколько его эмоциональная оценка (обыденность, нетворческий характер); об этом свидетельствует и однородность конструкций с глаголами *мыть, ругаться, сплетничать*, и предвещающий эти глаголы оборот *как обычные люди*, и несомненное противопоставление *северного сияния* прозаическим заботам обыкновенного человека.

Во втором контексте главное — результат действия; здесь показательно и употребление в качестве однородных членов близких по семантике глаголов *мыть, скоблить, драить*, и поддержка категориально-лексического признака узким контекстом (*направлены на уборку*), и данные широкого контекста (далее сообщается, что в здании будет размещен госпиталь). В связи с акцентированием составляющего основу языковой семантики категориально-лексического признака функциональная эквивалентность, выходящая за рамки ЛСГ, невозможна.

Акцентированием ассоциативных признаков при понижении яркости категориально-лексической семы объясняются и другие случаи функциональной эквивалентности глаголов, принадлежащих к различным ЛСГ. Так, в следующем контексте функционально эквивалентными оказываются глагольно-именные сочетания *выносить мусор, подметать пол, мыть окна*: «Возможно, есть такие школы, где отцы-генералы во время субботников *выносят мусор*, отцы-министры *подметают пол*, а матери-кинозвезды *моют окна*, но для нашего учебного заведения визит высшего офицера — событие» (Поляков). В данном случае глаголы сближает ассоциативный признак 'выполнять непрестижные обязанности' и при обозначении гипотетических занятий генералов, министров и кинозвезд (три последних слова объединяет ассоциативный признак 'высокое социальное положение') вполне могли бы быть использованы другие конструкции: *грузить металлом, белить стены* или *накрывать столы для завтраков*. Ср. также контекст с акцентированием в глагольной семантике ассоциативных признаков 'совершать экстраординарные поступки', 'жертвовать самым важным': «Ведь я только-только поверила окончательно во все свои женские чары и добродетели и, только поверив, стала до конца такой, за которую мужики со вкусом должны *стреляться, вешаться, разводиться, спиваться* и *воскресать* от одного благосклонного взгляда» (Картушин). По-видимому, различия в лексической семантике выделенных глаголов в данном контексте не имеют значимости и любой из них вполне может быть устранен из ряда однородных членов либо заменен словом из другой ЛСГ, но обязательно имеющим указанные ассоциативные признаки (*топиться, драться на дуэли* и т. п.).

Показательно, что во всех рассмотренных выше примерах функциональной эквивалентности глагол обозначает гипотетическое, предположительное, действие, отнесенное к будущему. Это один из наиболее типичных контекстов функциональной эквивалентно-

сти, однако глаголы способны находиться в указанных отношениях и при обозначении обычных, повторяющихся действий в прошлом и настоящем. Ср.: «Вообще Цебриков превосходный хозяин и замечательный муж: чуть выдастся свободная минута — он тотчас... *начинает мести ковер, а то полощет чашки, пылесосит диван* или же *затеет маленькую постирушку*» (Трифонов). Глаголы здесь обозначают постоянные, повторяющиеся действия, которые, разумеется, перечислены не в полном объеме: образцовый муж, конечно, выполняет и другие обязанности по дому, поэтому соответствующие глаголы вполне могут быть включены в рассматриваемый контекст. Ср. также: «Насидевшись за кассой, она хотела двигаться — *стирала, гладила, варила* свой знаменитый украинский борщ, *рубил* корм цыплятам, *драила* мастикой сияющий линолеум» (Гофф). Лексический экспликатор *хотела двигаться* здесь достаточно однозначно свидетельствует о специфике актуального смысла глаголов, который одновременно оттеняется сочетанием *насидевшись за кассой*. Вместе с тем контекст не содержит исчерпывающего перечисления действий, а значит, он вполне может быть дополнен другими глаголами или, наоборот, сокращен за счет одного-двух глаголов.

Характер ассоциативных признаков, акцентируемых при функциональной эквивалентности глаголов, очень разнообразен. На первый план может выступать характеристика способностей человека в науке, художественном творчестве, спорте и других видах деятельности; это могут быть физические потенции, тренированность, умение руководить коллективом или быть его эмоциональным центром. Наконец, существуют контексты, в которых подчеркивается именно разносторонность интересов и способностей человека. Ср.: «Лора самостоятельно *изучает* историю архитектуры. *Прорабатывает* «Атомную физику» Макса Бора. *Фехтует*. *Играет* в шахматы. *Ходит* в бассейн. И при всем этом остается женщиной — так она считает» (Иванченко). Использование парцеллированных конструкций позволяет выделить значимость и относительную самостоятельность каждого из названных видов деятельности, однако все это перечисление направлено на то, чтобы ярче описать образ жизни героини: здесь важны не столько конкретные действия, сколько их общее количество и разнообразие.

Акцентирование ассоциативных признаков может стать основой не только функциональной эквивалентности (речевой синонимии), но и функциональной противопоставленности (речевой антонимии). В последнем случае, как и при функциональной эквивалентности, происходит понижение яркости категориально-лексических признаков и в составе противительной конструкции оказываются глаголы, не являющиеся антонимами в языке. Ср.: «Бойся красавиц, — учит меня мама, — они умеют только *гримасничать* и *кружить головы*, а кто будет *варить* тебе гречневую кашу и *стирать*, когда меня не будет» (Санин). В данном кон-

тексте противопоставляются полезные, с точки зрения матери героя, действия (*стирать, варить кашу*) и не приносящие пользы (*кружить головы, гримасничать*) действия; этой же цели служит указание на опасность красавиц для сына, сомнения в их бытовых умениях.

Факты функциональной противопоставленности глаголов, принадлежащих к различным ЛСГ и не являющихся языковыми антонимами, наблюдаются не только в конструкциях с противительными союзами; более важно акцентирование противоположных ассоциативных признаков. Ср.: «Алка включит проигрыватель и сидит, замрет, как памятник. Будто нельзя симфонии *слушать* и в то же время пол *подтереть*» (Катерли). В данном контексте противопоставлены «неплодотворность» прослушивания музыки и «полезность» наведения чистоты. Первая часть антитезы поддерживается специальными глаголами (*сидит и замрет*), а также сравнением (*как памятник*); не случайно здесь использован и глагол *подтереть*, обозначающий быстрое и, может быть, не вполне качественное действие (ср. *вымыть, надраить*): пожелание как бы сводится к минимуму, а отсутствие движения гиперболизируется.

Подобным образом может подчеркиваться контрастность речевой семантики и ряда других глаголов. Ср.: «Я поправилась и в свободное время занялась чтением. Почему-то тихое занятие также раздражало моих домашних. «Опять читаешь? Лучше б носки *поштопала*», — нет-нет да говорила свекровь» (Горбулина). Неоправданное противопоставление процесса восприятия эстетических и интеллектуальных ценностей физическому труду служит здесь яркой характеристикой личности героини, для которой, по-видимому, конкретный характер труда не столь уж и важен (именно это и создает возможность для функциональной замены глагола *поштопать* целым рядом других), главным является стремление занять невестку полезным для семьи делом.

Итак, наблюдения над речевой семантикой свидетельствуют, что в отношениях функциональной эквивалентности и функциональной противопоставленности могут находиться не только глаголы, принадлежащие к одной ЛСГ, но и слова, не имеющие одинаковых категориально-лексических признаков. Важным условием для формирования указанных отношений в тексте является повышение яркости ассоциативных признаков семантики и соответственно понижение значимости обязательных сем. Функциональная эквивалентность и функциональная противопоставленность глаголов могут быть обнаружены в самых различных контекстуальных условиях, но особенно они заметны в составе рядов однородных членов с соединительными и противительными отношениями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Кузнецова Э. В. Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов (к вопросу о природе лексико-семантических групп): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1974.

² Боровикова Н. А. Регулярная многозначность в ЛСГ русских глаголов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1985.

³ Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982; Скшидло А. Я. Синонимия в диалогической речи: типология, функционирование. М., 1985; Черняк В. Д. Синонимы в системном и текстовом аспекте. Л., 1987 и др.

⁴ Кузнецова Э. В. Указ. соч. С. 21.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

Г. В. БИТЕНСКАЯ

Нижегородский пединститут

ЛЕКСИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Исследуется лексическая система художественного текста повести В. Астафьева «Пастух и пастушка».

В современных лингвистических исследованиях все чаще звучит мысль о необходимости и целесообразности системного изучения лексики художественного текста, которая оценивается как «фактор, непосредственно несущий содержание текста»¹. Наблюдение за номинативным и образным смыслом лексических составляющих текста приводит к пониманию идейного замысла произведения и индивидуальных особенностей слога писателя.

Выделяются два аспекта анализа лексики художественного текста — контекстологический анализ линейно расположенных элементов и анализ текстовой парадигматики. Последний является целью данной статьи. В тексте могут употребляться как отдельные языковые единицы, так и подсистемы этих единиц, которые носят название внутритекстовых парадигм (функциональные синонимы, антонимы, внутрисловные парадигмы, функционально-текстовые группы слов)².

Объединение лексических элементов в текстовые подсистемы во многом определяется идейно-эстетическим замыслом писателя. И. Я. Чернухина выделяет три принципа тематического притяжения лексики в тексте: принцип семантического дополнения, принцип семантической мозаики, принцип семантической волны³. Основой любого семантического объединения слов в тексте, как и в языке, является общая лексическая сема.

Проанализируем лексическую подсистему в повести В. Астафьева «Пастух и пастушка»*. В данном тексте формирова-

* См.: Астафьев В. Повести. М., 1984. Далее в тексте статьи цитаты по этому изданию с указанием страницы в скобках.